

Мужчине на вид было около сорока. Дорогой костюм, галстук с золотой булавкой. Он рывком ослабил узел галстука, страдальчески морщась. Интеллигентное лицо с аккуратной бородкой, тонким носом и темными гипнотическими глазами сейчас вряд ли можно было назвать приятным. Он нервно шевелил губами, точно произнося бесконечный внутренний монолог. Впрочем, так оно и было. С той самой минуты, как он узнал об убийстве, он не мог успокоиться. А успокоиться было необходимо, чтобы принять решение. Очень важное. Настолько важное, что от него зависит его дальнейшая жизнь.

Именно жизнь, а не карьера и благополучие, как он думал вначале, потому что теперь он вдруг осознал, что карьера для него и есть жизнь. И сейчас, когда он в трех шагах от вожденной цели...

— Сволочь, — прошептал он, скорее с болью, чем со злостью, сам не зная, кому адресует это обвинение. Наверное, всем, кто посмел встать между ним и его мечтой. — Я никому не позволю, — вновь прошептал он и отчаянно покачал головой, мрачно усмехнувшись. — Не позволю...

Легко сказать, когда все, весь мир против... Ему вдруг сделалось так жаль себя, своих усилий, своих

мук, что он едва не заплакал горькими детскими слезами.

— Нет, нет, нет. Надо взять себя в руки. Выход есть. Надо успокоиться, и тогда решение непременно придет.

Он схватил карандаш и принялся катать его по столу, но движения становились все более нервными, резкими. Они не приносили успокоения. В конце концов он сломал карандаш и швырнул на ковер.

Ковер ему подарили на тридцатипятилетие друга. Ручная работа, шелк. Стоит сумасшедших денег. Его вновь пронзила мысль, принеся острую боль: а если действительно придется расстаться со всем этим? С привычным комфортом, который стоит больших денег, с уверенностью, дарованной немалой властью.

— Я никому не позволю, — задыхаясь, прохрипел он, а внутренний голос меж тем насмешливо шептал: «Это все эмоции, а надо найти решение». «Взять и напиться до бесчувствия, — трусливо подумал он. — А что? Говорят, утро вечера мудренее».

Он поднялся, пересек кабинет, открыл дверцу бара, налил большую порцию коньяка и даже сделал глоток. Но вкуса не почувствовал. Растерянность, страх лишали всего, даже вкусовых ощущений.

— Это невыносимо, — решил он, вновь скатываясь к слезливой жалости к себе. Аккуратно поставил стакан, хотя испытывал желание швырнуть его в стену, и прошелся по кабинету, сложив руки за спиной, гордо выпрямившись и вскинув подбородок. — Я справлюсь, — монотонно повторял он, печатая шаг. — Я справлюсь. Я найду выход.

Он продолжал вышагивать по кабинету, но мыс-

ли в его голове путались: то он видел себя Наполеоном в последней битве, то вновь начинал жаловаться, как жестоко обошлась с ним судьба. Он не считал, что в этом есть его вина. О своей вине он давно и благополучно забыл. Разве не расплатился он за нее годами страха и унижения? Иногда он думал, вспоминая Лидию: «Ей хорошо». Да, да, именно так, точно он по доброте душевной избавил ее от мук.

А сколько пришлось пережить ему? Этот чертов старик, эти проныры-следователи, все они хотели лишь одного: уничтожить его, такого талантливого, рожденного для счастья, богатства, власти... Он понемногу успокоился, вернулся за стол, вытянув руки, разглядывал свои нервно дрожащие пальцы. Манжет белой рубашки выглядел несвежим, он с раздражением натянул на него рукав пиджака. Сегодня у него не было времени даже для того, чтобы принять ванну и переодеться. За это он тоже винил этот мир, где все, все, все против него.

— Выход есть, — с решимостью отчаяния произнес он. — Можно обратиться к начальнику охраны. Андрей — решительный парень и вряд ли особо обременяет себя вопросами морали. За приличные деньги он наверняка согласится решить мою проблему.

Но тут же все в душе воспротивилось этому. Андрею придется все как-то объяснить. И что? Вместо одного типа, держащего его за горло, он получит другого. И снова липкий пот при мысли о том, что в один прекрасный день... «Андрей не годится, — решил он. — Никто, никто не должен знать об этом. Я должен сам...» Плечи его передернулись, точно в ознобе, он не представлял, что и как «сделает сам», но уже знал, что просить об услуге никого не будет.

«А может, старик все врал? — явилась спасительная мысль. — Что у него могло быть? Он просто сам что-то видел (безусловно, видел, в тот свой визит он описал происходящее так, что это не оставляло сомнений). Пока он был жив, то есть пока был жив свидетель, он, безусловно, представлял угрозу, но теперь его нет. Следовательно, нет и угрозы».

Мужчина с горечью покачал головой. Он помнил тот визит в мельчайших деталях, точно это было вчера. Он тогда удивился, узнав, что старик решил его навестить. Слегка удивился, но даже особенно не утруждал себя мыслями на тот счет, зачем старику понадобилось приезжать сюда. «Встретимся, и объяснит». Так он подумал тогда, не подозревая, какой сюрприз готовит ему судьба. Какой чудовищный сюрприз. Ведь он в самом деле успел забыть и только ночью, в кошмарах видел Лидию. Просыпаясь в холодном поту, он поспешно гнал мысли о ней.

Старик тогда с улыбкой протянул ему руку, устроился в кресле, хозяин кабинета начал светский разговор, но гость внезапно перебил его. Сухо и деловито изложил свои требования. Потом поднялся и, пока он пребывал в прострации от только что услышанного, прошел к двери, обернулся и серьезно сказал:

— И вот еще что, молодой человек, если вы вдруг решите избавиться от меня... мои показания, подпись на которых заверена нотариусом, лежат в ячейке банка. Так что... не советую, одним словом.

Тогда он так же, как и сейчас, долго не мог прийти в себя. А потом... потом принял решение. И несколько лет исправно платил.

Они даже подружились. Довольно странная дружба, если учесть обстоятельства. Наверное, их

сблизила общая тайна, а еще то, что принято называть родством душ. В сущности, они оба мерзавцы. Когда ты знаешь о себе такое, это весьма неприятно, но, когда рядом твой двойник, в голову приходят утешительные мысли, что все мы не без греха и все под богом...

В один из вечеров, когда они благодушествовали у камина, он решился завести со стариком разговор. Он пытался придать и своему голосу, и своим словам некую иронию, чтобы в любой момент обратиться их в шутку. Но старик ответил совершенно серьезно:

— Вам не о чем беспокоиться. Я обо всем позабылся. Если я умру, своей смертью, разумеется, бумаги будут уничтожены.

Теперь и он стал серьезным, напускная ирония мгновенно исчезла.

— Я вам верю. И, честно скажу, я вам даже признателен, как ни странно это звучит. Но есть ведь еще несчастные случаи. Никто не застрахован...

Старик засмеялся, сначала тихонечко и язвительно, потом громко, раскаты его хохота сотрясали гостиную. Смех оборвался так же неожиданно, как и начался. Старик подался вперед и, глядя ему в глаза, сказал:

— Я очень осторожный человек. А в ваших интересах позаботиться, чтобы никакого несчастного случая со мной не произошло.

После того разговора он даже некоторое время подумывал об охране старика, но потом отменил эту мысль как бредовую. Старик жил затворником, и вероятность несчастного случая представлялась ничтожной. А такая чрезмерная забота о безопасности старика кое-кому показалась бы подозрительной и не преминула вызвать живой интерес у его много-

численных врагов. «А может, не было никаких показаний? — вновь вернулся он к спасительной мысли. — Старик просто пудрил мне мозги. Или, возможно, были, но потом он их уничтожил, по-няв, что я готов платить и впредь». Он даже подумал: «Мы ведь были друзьями», — и сам рассмеялся абсурдности такого утверждения. Похоже, ему ничего не остается. Если бумаги в банке, они вскоре будут переданы в руки правоохранительных органов. И тогда...

— Следует позаботиться о хорошем адвокате, — очень медленно произнес он.

Он наблюдал за ней, делая вид, что читает газету. Наблюдал с какой-то брезгливой отстраненностью, точно смотрел от безделья надоевший фильм. Он отмечал все: располневшую фигуру, сеточку морщин возле глаз, начавшую отвисать кожу на подбородке. Все это признаки утраченной молодости... Теперь было трудно понять его безумства, дикую, испепеляющую страсть, которая охватывала его при виде этой женщины. Страсть, которая заставила его пойти на преступление, которая перечеркнула всю его жизнь, исковеркала, сломала, разрушила.

Иногда ему казалось, что от его жизни ничего не осталось, она оборвалась, давно, много лет назад, а теперь он просто ожидает, когда закончится отведенный ему срок. Иногда он называл это чистищем.

— Ты будешь чай? — спросила жена, стоя у плиты.

— Нет, спасибо, — поспешно ответил он и сделал вид, что читает газету. Разговаривать с ней сле-

лалось для него настоящей пыткой. Иногда за весь день они не произносили и десятка слов.

На смену отстраненности вдруг пришла отчаянная злость. Она никогда не любила его. Никогда. Это он, дурак, верил, что она полюбит его, непременно полюбит. Как же иначе? Когда поймет, что все, все он делал из-за любви к ней... Но ей было на это наплевать. Он потратил жизнь впустую, и все из-за ее стойкого нежелания любить его.

Он знал, что мог бы быть счастлив. Даже сейчас. Потому что она все еще красива... Нет, на самом деле она очень красива, ей всего тридцать пять, и мужчины до сих пор смотрят ей вслед. Но теперь, через столько лет, уже нечего надеяться, что она полюбит его.

Женщина неслышно вышла из кухни, а он с облегчением вздохнул, отбросил газету и стал смотреть в окно.

— Жизнь прошла, — сказал он с печалью. На мгновение мелькнула мысль: бросить все и уехать. У него есть деньги, много денег. Наконец-то он сможет их потратить так, как ему вздумается. Но он знал, что никуда не уедет. Даже для того, чтобы спастись. Апатия и безразличие. «Просто надо дожить», — так думал он, глядя в окно, прекрасно осознавая, что это неправда. Инстинкт самосохранения в нем никуда не исчез, в чем он недавно мог убедиться.

Просто он знал, что она никуда не поедет. Она точно привязана к этому проклятому месту. Несколько раз он видел ее там, она стояла под деревом больше часа, стояла, сложив на груди руки, ни разу не шелохнувшись. Должно быть, сукин сын тоже застал ее за этим занятием и заподозрил неладное.

Не сама же она рассказала? На это не хватит даже ее глупости.

Она никуда не поедет, а он не сможет уехать без нее. Сколько бы он мысленно ни называл ее старой бабой, сукой и дрянью, жизнь без нее лишается последнего смысла.

Он усмехнулся, решив, что это звучит совершенно по-дурацки: «последний смысл». В первый год они не могли покинуть это место, чтобы не вызвать подозрений. Но тогда он еще питал иллюзии и любил мечтать о том, «как прекрасно мы заживем». Она слушала с безразличием, мечты потихоньку таяли, а они продолжали жить здесь. Сначала он утешал себя тем, что действительно разумнее остаться еще на некоторое время, потом решил, что если его место займет другой, то ненароком сможет докопаться до истины, пока наконец не понял, что его, как и ее, тянет к этому месту точно магнитом.

Лет пять назад они поехали в Турцию, наконец-то выбрались отдохнуть. В первую же ночь ему приснилось, что его тайна раскрыта. Он едва удержался, чтобы не улететь ближайшим рейсом. После этого о путешествиях они больше не заговаривали и об отъезде тоже.

Он мог бы сбежать за границу. С деньгами везде хорошо, так говорят. Там ему станет безразлично, узнает кто-то его тайну или нет. Хотя бежать придется далеко, скорее всего, на край света. Он знал, как настойчивы они могут быть, когда захотят. Но она не поедет. Его здесь держит страх, а ее проклятая любовь к тому ублюдку, а может, ненависть к мужу, что более вероятно. Он отнял ее любовь, а она жестоко отомстила своей нелюбовью и равнодушием к нему. Они обречены быть вместе в несчастье и страдании.

«Скованные одной цепью, — невесело усмехнулся он. — Будем жить долго и умрем в один день».

Он притормозил у обочины. Лариса остановила свою машину в двух метрах от его «Лексуса». Он вышел, оставив дверь открытой, сделал несколько шагов и замер, разглядывая открывшуюся отсюда картину.

Лариса устало провела рукой по волосам, не спуская с мужчины взгляда. Он стоял, широко расставив ноги, сунув руки в карманы брюк. Ветер трепал его волосы, заставлял шуриться.

Мужчину трудно было назвать красавцем. Ничего общего с физиономиями глянцевого журнала: дерзкое лицо с хищным носом, в глазах то ли насмешка, то ли презрение, темные, довольно длинные волосы он убирал со лба обеими ладонями, медленно, точно выполнял ритуал или хотел избавиться от чего-то, по его мнению, лишнего, стряхнуть с себя.

Она сама удивилась, что успела за это короткое время изучить каждый его жест. Почему-то ей казалось, это важно. Если она что-то разглядит в нем, поймет, он останется с ней.

Он достал из кармана пиджака темные очки, спрятал за ними глаза, и теперь ему очень бы подошло определение «мачо». Этому способствовала любовь к дорогим костюмам, которые, надо признать, он умел носить. Высокий, широкоплечий, он неизменно притягивал к своей особе внимание женщин. Только вряд ли этим дорожил. Скорее его это смешило. Может быть, развлекало, чуть-чуть. «Глупые, глупые женщины, точно мотыльки летят

на свет, — невесело усмехнулась Лариса. — Не понимают, как это опасно. Он опасен, — подумала она, продолжая наблюдать за ним. — Он очень опасен». Но это ничего не меняло. Она могла думать только о нем, говорить только о нем, она хотела быть рядом с ним, чего бы ей это ни стоило, но уже знала, вряд ли он это позволит.

Он появился в ее жизни всего десять дней назад, а теперь она не могла поверить, что столько лет жила без него. Прошлая жизнь казалась бессмысленной. Благополучная сытая жизнь, которой многие могли бы позавидовать. Иногда она самой себе завидовала, удивляясь, как благоволит к ней судьба. И когда он появился, она решила — это ее самый роскошный подарок, что называется, под занавес.

Он пришел в ее риелторскую фирму, когда рабочий день уже подходил к концу. Ее сотрудники редко засиживались в офисе, и в тот раз она была одна. Звякнул колокольчик, она обернулась и увидела его. Он поздоровался, снял очки и с любопытством огляделся. Она ответила с видом женщины, знающей себе цену, вежливо, уверенно, с едва угадываемой иронией. Вошел, посмотрел, а дальше что?

— Я хочу снять дом, — сообщил он и улыбнулся.

Почему-то тогда ей показалось, что прозвучало это издевательски, но она ответила все так же вежливо:

— Что вас конкретно интересует? Прошу вас, присаживайтесь.

Он прошел, сел и коротко и четко изложил свои требования и вновь улыбнулся ей, точно спрашивая: «Ну что, справишься?»

— В этом месте не так много домов. Что, если ни один из них не сдастся?

— Надо постараться. — На этот раз улыбка едва тронула его губы.

— Но...

— Я заплачу вам за хлопоты, — кивнул он. — Цену назовете сами.

— Но... что, если мы немного расширим территорию поисков? Вот здесь прекрасное место... — Она торопливо достала карту, разложила на столе, но он покачал головой, не удостоив ее взглядом.

— Я уверен, что достаточно ясно изложил свои требования.

— Да, — кивнула она, глядя на него во все глаза. Сердце вдруг часто-часто застучало возле самого горла. — Я постараюсь.

— Вы найдете дом или мне следует обратиться в другое агентство? — поднял он брови. От ее женской гордости ничего не осталось, и она поспешно ответила:

— Я очень постараюсь. — Испугалась, что он сейчас уйдет, и сказала: — Я найду.

Она начала что-то говорить, объяснять, то и дело повторяясь, но ей было все равно, только бы удержать его здесь хоть на лишнюю минуту. «Господи, пусть мне повезет», — молилась она.

Он глядел на нее с ласковой усмешкой, словно читал ее мысли, потом перевел взгляд на часы, и она замерла, боясь, что все ее надежды вмиг рассыплются.

— Довольно поздно, — сказал он. — Ваш рабочий день наверняка закончился. Я прав?

— Да. Но...

— Что, если нам вместе поужинать? — перебил он, абсолютно уверенный в том, что ему не откажут.

Если бы кто-то другой вел себя подобным образом, она бы здорово разозлилась. Она и сейчас ра-

зозлилась, но проглотила и это. Улыбнулась и просто ответила:

— Да.

Офис они покинули вместе, в трех шагах от двери стоял серебристый «Лексус». Он распахнул его дверцу и помог ей сесть.

В ресторане он предпочел отдельный кабинет, и она безропотно согласилась.

— Как тебя зовут? — спросил он, на мгновение оторвавшись от меню.

— Лариса, — ответила она, хотела съязвить на тему стремительного перехода на «ты», но промолчала. — А вас? Тебя?

— Кирилл, — ответил он и вновь уткнулся в меню.

«Какой-нибудь богач, свихнувшийся на своем могуществе», — решила она, но тут же простила ему и этот тон, и уверенность, непоколебимую уверенность, что именно так она и поступит. Впрочем, он оказался очень милым собеседником. Кирилл умел быть внимательным, заботливым и не скупился на комплименты.

— Одна живешь? — спросил он, когда они перешли к десерту, и вновь она просто ответила:

— Да.

Он кивнул.

— Тогда поедem к тебе.

Бабочка, бабочка, летящая на огонь. Как только они вошли в ее квартиру, она оказалась в его объятиях, а дальше... дальше все перестало иметь значение. Он был рядом, и она уже знала, что сделает все, чтобы удержать его. Страх и беспокойство сменило ощущение сумасшедшего счастья. Все, о чем она только могла мечтать, вдруг обрушилось на нее точ-

но весенний ливень, и она беспричинно смеялась и плакала, будто глупая девчонка.

— Господи, я счастлива, — пробормотала она, не открывая глаз.

И услышала:

— Я рад. Так приятно сделать кого-то счастливым.

Он принес вина и теперь сидел на кровати вполоборота к ней. Протянул бокал и улыбнулся. Она погладила татуировку на его плече и совершенно отчетливо поняла, что все ее догадки о нем не имеют ничего общего с действительностью. Боль острой иглой вонзилась в ее сердце. Она вновь погладила орлиные крылья на его плече и не удержалась от вопроса:

— Откуда это?

— Ерунда. Сделал на память в Иностранном легионе.

— Ты служил в Иностранном легионе? — нахмурилась она, решив, что он шутит.

— Ага. Там не отказываются от заблудших овец, нашлось место и мне.

— Давно это было?

— Давно. Я успел забыть.

— Что было потом?

— Много чего. Это я тоже успел забыть. Я живу у тебя, пока ты не найдешь мне дом, — добавил он как само собой разумеющееся, и она вновь безропотно согласилась:

— Конечно. — Потом собралась с силами и спросила: — Зачем тебе этот дом?

Он повернулся и с минуту молча смотрел на нее. Она поежилась под его взглядом и уже хотела пойти на попятный, сказать с улыбкой: «Не хочешь, не отвечай», но в этот миг он ответил:

— Хочу убить одного типа.

Она сразу же поверила. То, как он это сказал, не оставляло никаких сомнений.

— Ты... — медленно бледнея, начала Лариса, но он перебил ее:

— Нет, я не киллер. Просто старый долг.

И в это она поверила сразу и безоговорочно и сказала то, что никак не могла ожидать от самой себя:

— Я могу чем-то помочь?

— Можешь, — улыбнулся он и весело добавил: — Найди мне дом. Я действительно заплачу, сколько скажешь.

Больше они не возвращались к этому разговору. И все последующие дни она была абсолютно счастлива, как только может быть счастлива женщина, вдруг нашедшая того самого, единственного мужчину.

Он встречал ее с работы, они ужинали в ресторане, а потом любили друг друга. Иногда к ней подкрадывалась мысль, что счастье ее продлится недолго, до того дня, когда она снимет для него дом. Но она поспешно гнала эту мысль. Только однажды спросила:

— Кирилл — твое настоящее имя?

— Какая разница? — удивился он, и вновь боль острой иглой вонзилась ей в сердце, но она еще надеялась.

И вот этот день пришел. Кирилл смотрел на озеро, дома внизу, и вряд ли в его мыслях нашлось место для нее. Он резко повернулся и пошел к ней. Открыл дверь ее машины и сказал:

— Дальше я поеду один. Спасибо тебе. — Наклонился и поцеловал ее в губы.

— Мы увидимся? — жалко спросила она.

— Возможно. Не знаю. На всякий случай прощай.

Он захлопнул дверь и зашагал к «Лексусу».

Она сидела опустошенная, раздавленная, она знала, что никогда больше не увидит его. Хотела зареветь, но слез не было. Только горечь, что мечта, как и положено мечте, оказалась недостижимой.

— Прощай, — прошептала она с покорностью, успевшей стать привычной, принимая боль.

В тот день я затеяла уборку, таким образом решив отпраздновать свое освобождение. Я наконец-то избавилась от измотавшей меня работы. Заявление я написала еще три месяца назад, но мой шеф, зануда и жадина, оттягивал нашу разлуку под разными благовидными предложениями. На них он был мастер.

Последнее время я работала по двенадцать часов в сутки и по этой причине новое место подыскать не могла, но это не портило моего прекрасного настроения. В том, что я найду работу, я ничуть не сомневалась, а пока просто радовалась, что счастливо избавилась от прежней.

Квартиру за три месяца я умудрилась запустить до такой степени, что она больше напоминала стан половецких воинов. По субботам мне тоже приходилось работать, а в воскресенье я отсыпалась, не в силах заниматься какой-либо полезной деятельностью. И теперь носилась с пылесосом, распевая песни, изо всех сил стараясь переорать работающий пылесос. Из-за этого шума я едва услышала звонок в дверь, выключила пылесос, набросила халат и пошла открывать.

Танька ворвалась в квартиру наподобие урагана.

Просто входить она не умела. На мой взгляд, сестрица все и всегда делала с избытком энергии. Она старше меня на четыре года, и когда-то это доставляло мне массу неприятностей, потому что сестра с воодушевлением воспитывала меня.

В детстве я ее не особенно жаловала и даже завидовала тем девчонкам, у кого не было ни сестер, ни братьев. Все изменилось, когда я в пятнадцать лет впервые влюбилась. Сестрица, обратив внимание на мою кислую физиономию, тут же взяла быка за рога, точнее, меня за руку, отвела в комнату, которую мы вынуждены были делить с ней, и сказала:

— Давай колись: кто он?

Посвящать ее в свои сердечные дела я не собиралась, но, как говорится, от черта молитвой, а от Таньки ничем, пришлось в конце концов все ей рассказать. Вот тут я и поняла, как это здорово — иметь старшую сестру. С того момента мы стали неразлучными подругами, к большой радости наших родителей. Знали бы они, о чем мы беседуем по ночам, не спешили бы радоваться.

Фамилия наша Ларины, родители проявили оригинальность и назвали дочку Татьяной, а когда родилась я, выбор был ограничен до одного имени, поэтому я звалась Ольгой. Таньку в семье считали умной, а меня красавицей. От девочки моей внешности ума никто не ждал. Мужчины непременно мне улыбались, а потом говорили какую-нибудь глупость. Борьба с этим было бесполезно, и я смирилась.

Танька, которой приписывали большой ум, во все не была дурнушкой, даже наоборот. Высокая, очень уверенная в себе, черноволосая и синеглазая, она любила «строить» мужиков, оттого мама справедливо опасалась, что мужа ей не видать как своих

ушей без зеркала. Меня хоть и зачислили в дуры, при этом были уверены, что я непременно «сделаю блестящую партию». В устах моей мамы это звучало дико и могло означать все, что угодно. В семье бытовало мнение, что без родительской опеки я непременно пропаду. Мол, не найду булочную и умру от голода. Мама твердо сказала: «Ты не сможешь жить одна», — что и предрешило выбор моего учебного заведения: из двух университетов и трех институтов, что имелись в нашем городе. Танька поехала учиться в Питер, жила в свое удовольствие, кое-как сдавая сессию на тройки, что не поколебало уверенности семьи в ее уме. Я закончила университет с красным дипломом, но это семью не впечатлило.

В девятнадцать лет Танька обзавелась бойфрендом, весьма близкие отношения с которым и не думала скрывать от родителей. Любой парень, с которым я отправлялась в кино, подвергался тщательному изучению, как микроб под микроскопом. Ближе к двадцати я поняла, что раз не могу исправить ситуацию, следует ею воспользоваться, в том смысле, что если уж я не знаю, где булочная, значит, вопрос о том, кому идти в магазин, даже не встает.

— В магазин ходит папа, — голосом прокурора изрекала мама. — А ты лучше книжку почитай.

Как видно, мама искренне считала, что сие для меня труд непосильный и требующий колоссального физического напряжения.

— Хорошо устроилась, — весело хихикала Танька, наблюдая за тем, что происходит в родных пенатах. Университет она закончила, но в Питере не осталась, вернулась в родной город, устроилась в очень приличную фирму, сняла квартиру и дома по-

являлась только в субботу на семейный ужин. Родители и это скушали, глазом не моргнув.

— Таня знает, что делает, — было любимым маминым изречением.

Когда я, закончив худграф университета, намекнула... лучше бы мне этого не делать. Маме вызывали «Скорую», папа обошелся валерьянкой. Но тут на помощь мне пришла Танька.

— Перестаньте с ней носиться, точно она дитя малое, — «построила» она родителей в очередную субботу. — Эдак девка до пенсии проживет, чай не научившись заваривать.

— Чай прекрасно заваривает папа, — подала голос мама, но как-то неуверенно, суровость и бескомпромиссность умного ребенка произвели на нее впечатление.

— Про папу я все знаю, — еще больше посуровела сестрица, — а Ольгу надо приучать к самостоятельности. Пусть поживет одна, а я за ней присмотрю.

На глазах мамы выступили слезы, она перевела трагический взгляд на папу, но тот, по его выражению, «в женские дела никогда не лез» и предпочитал заваривать чай.

Мама осталась в меньшинстве, и вскоре я переехала в квартиру, которую помогла мне подыскать Танька, при этом она умело пресекла поползновения родителей ежедневно навещать меня в ней. В конце концов родители свыклись с мыслью, что мы теперь живем отдельно, папа увлекся рыбалкой, а мама записалась в женский клуб. Семья была счастлива.

Теперь впереди маячило историческое событие: Танька собиралась замуж. Мама успела обежать все магазины для новобрачных и обзвонить все ресто-

раны. Я составлять ей компанию не торопилась, хорошо зная свою сестрицу. Я подозревала, что белое платье может ей и не пригодиться и «собирать бог знает кого в мой светлый день» она, скорее всего, тоже не станет. При этом «Скорая» маме вряд ли понадобится, обойдется любимой фразой: «Таня знает, что делает».

— Убираешься? — спросила Танька, чмокнула меня в нос, потопталась, сбросила туфли, опять потопталась, заглянула в кухню, сделала еще несколько лишних движений и в конце концов устроилась в кресле.

— Здравствуй, — сказала я.

— Привет, — кивнула она. — Что с работой? Все в порядке?

— Конечно, раз я уволилась.

— Так это же здорово, — замерев на мгновение, изрекла Танька. — И отпрашиваться не надо. Поедешь со мной.

— Куда? — вздохнула я, пристраиваясь по соседству, но все-таки не слишком близко. Танька любила размахивать руками и ненароком могла зашибить.

— Витька наследство получил, — шмыгнув носом, сообщила она. — То есть вот-вот получит.

— Большое?

— Хрен знает. Какой-то дядя у него нарисовался, вроде бы даже знаменитость. Я о нем сроду не слыхивала, и вдруг такое счастье... Зинаида Петровна (это, кстати, мать Витьки) пребывает в недоумении и легком восторге.

— В чем? — насторожилась я.

— Говорит, дядя есть, то есть был, и вроде жутко богатый, но характер у него чрезвычайно скверный. Поэтому если он и вправду решил что-то оставить,

так наследство может и впечатлить — оттого восторг, но не буйный, потому что дядя известный пакастник и хорошего от него ждать не приходится. Странно, что он вообще о племянниках вспомнил. Оттого и недоумение.

— А-а, — невнятно промычала я. — И что дальше?

— Дальше так: собирают родню, тех, кого в завещании упомянули, в доме почившего старца, всем сестрам по серьгам, и все такое прочее...

— Ну... так это хорошо, — подумав, изрекла я.

— Вот уж не знаю, — вздохнула Танька.

Чтоб она да чего-то не знала... Быть такого не может! Разумеется, я насторожилась.

— Витька поехать не сможет.

— Что так?

— Он в Англию улетает на три месяца.

— А как же свадьба? — забеспокоилась я.

— Да мы уже расписались, — отмахнулась Танька и, заметив мои выпученные глаза, пояснила: — Надеялись, что я смогу с ним отправиться, какое там... уперлись как бараны. Крохоборы хреновы, а еще фирма приличная. Скажи на милость, почему богатеи такие скупердяи?

— Потому что гладиолус, — напомнила я детскую присказку, сурово сдвинув брови. — Не отвлекайся.

— Ага. Короче, мы расписались, но я все равно не еду. А свадьбу сыграем, когда Витька вернется. Свадьба — это вообще несовременно. Набежит ватага родственников... тоска. У меня пока никаких идей.

— Можно сыграть свадьбу под водой, — сообщила я. — Все в аквалангах и...

— А пить как?

— Можно периодически выныривать.

Танька задумалась.

— В принципе, занятно. Надо будет с Витькой посоветоваться. Но ты же знаешь, он ужасно консервативен, просто удивительно, за что я его любила. — Эта мысль увлекла Таньку, и она на некоторое время замолчала, разглядывая ковер под ногами, что позволило мне его допылесосить. — Ладно, убирайся, — несколько неожиданно произнесла сестрица, направляясь к двери. — Не буду тебе мешать.

Мы поцеловались и даже успели проститься, но тут Танька хлопнула себя ладонью по лбу.

— Блин, совсем памяти нет. Я чего пришла-то...

— Чего?

— Того. — Танька вновь сбросила туфли и на сей раз устроилась на диване. — Витька наследство получил, надо ехать, а он не может. Оттого ехать придется мне.

Я кивнула, соглашаясь: с моей точки зрения, все логично.

— Ты совершенно свободна, — продолжила она. — Так что вполне можешь поехать со мной.

— Мне-то зачем? — удивилась я.

— Для поддержания во мне бодрости духа, — подняв кверху указательный палец, изрекла Танька. — Послушать Зинаиду Петровну, так меня там вполне могут скушать дорогие родственники.

В общем-то, и это меня не удивило. Если наследство приличное, действительно могут. Я о таких случаях читала. К примеру, у Агаты Кристи.

— Думаю, будет лучше, если с тобой поедет Зинаида Петровна. Она человек опытный, в смысле кого-либо скушать. И родню свою лучше знает.

— Это не ее родня, — вздохнула Танька. — Это

родня ее мужа, почившего, как тебе известно, пять лет назад после долгой продолжительной болезни под названием алкоголизм. Зинаида Петровна родню мужа в принципе не жалуется, а тех, кто там намерен затусоваться, в особенности. Ее послушать, все, как один, воры и разбойники. Ехать наотрез отказалась, говорит, никакого наследства не надо.

Такая щедрость со стороны Танькиной свекрови, признаться, настораживала.

— Сама не едет, а тебя посылает.

— Наследство дядя оставил племянникам, следовательно, надо ехать Витьке, а уж коли нет у него такой возможности, значит, мне как законной, так сказать, супруге. Но одна я ехать побаиваюсь, оттого убедительная у меня к вам просьба, Ольга Александровна, поддержите сестру в трудную минуту.

— Далеко ехать? — нахмурилась я.

— В пригород.

— Что ты дурака валяешь? Возьми с собой Вальку, он адвокат, ложку мимо рта не пронесет.

— Ты не поняла. Дядю будут поминать исключительно родственники, для этого все на три дня приглашены в дом.

— Покойным?

— Одной из племянниц, которая с ним в этом доме жила. Похоже, у гражданки с головной проблемой: все в лучших английских традициях, и все такое. Оттого я и зову тебя с собой: как бы чего не вышло.

— То, что твоя Зинаида Петровна родню видеть не желает, — понятно. И то, что кто-то с удовольствием сыпанул бы ей в компот мышьяка, тоже удивления не вызывает.

— Помягче о родне, помягче, — попросила Танька, растянув рот до ушей.

— Однако, — продолжила я, — она слишком увлеклась своими фантазиями.

— Я бы решила так же, зная добрый нрав и незлобивый характер этой замечательной женщины, — вздохнула сестрица, — но тут есть нюансик. Дядя скончался не просто так.

— А как? — скривилась я.

— Отравили бедолагу. Именно это решили родственники.

— А милиция что решила? — поинтересовалась я.

— Не поверишь, но милиция практически с ними согласилась.

— Нельзя ли поконкретнее?

— Можно. Дядя умер от приступа удушья, ибо страдал аллергией, не помню на что. Короче, доброжелатель сыпанул старичку дряни, на которую у него аллергия. Это спровоцировало приступ удушья, в результате которого он и скончался.

— А такое правда бывает? — не очень-то поверила я. Оказалось, напрасно.

— Бывает, — совершенно серьезно кивнула Танька. — Он астматик, а аллергия была на двадцать одно наименование. Ты не поверишь, оказывается, можно укокошить человека, дав ему шоколад, если у человека на него аллергия.

— Он что, дурак — шоколад жрать, зная, что копыта отбросит? — разозлилась я, решив, что Танька морочит мне голову.

— Можно в коньяк сыпануть, разумеется размельчив перед этим. Или в кофе. Да куда угодно можно. Думаешь, болтаю? Ничего подобного. Я вчера с Марком консультировалась, и он подтвердил: вполне.

Марк работал патологоанатомом, но особого

доверия у меня не вызывал. Такого навывдумывает с серьезной миной и околону научными терминами... Уши распустишь, подбородок отвалишь, потом чувствуешь себя дура душой.

— Он скажет, — пробормотала я, на что Танька резонно заметила:

— Иногда и он дело говорит. Короче, не знаю в деталях, что там, но, похоже, дедулю отравили. По крайней мере, менты там суетятся. А они, ты знаешь, просто так утруждать себя не любят. Выходит, если дело не темное, то и не совсем светлое. А так как, по словам Зинаиды Петровны, там все, как один, отравители, отправляться я туда опасуюсь.

— Так, может, и не стоит? — внесла я, на мой взгляд, здоровое предложение.

Сестрица скривилась:

— Интересно же. Что оставил, да и вообще...

— Это конечно, — вынуждена была согласиться я.

— Поедешь? — спросила Танька с надеждой.

— Само собой, — кивнула я. Конечно, у меня были другие планы, но сестры для того и существуют.. чтобы портить жизнь и не давать расслабиться. — Когда? — спросила я, очень надеясь, что ехать придется не скоро, а там, глядишь, все как-нибудь утрясется и ехать вообще не понадобится.

— Сегодня, — ответила Танька, убив мою мечту в зародыше.

— Почему сегодня? — шмыгнув носом, поинтересовалась я.

— Потому что время икс наступает сегодня. Адвокат прочтет нам завещание.

— Сегодня вполне мог поехать твой Витька.

— Ты мне сестра или кто? — разгневалась Танька.

— Я практически готова, — поспешно сообщила я.

Но сразу мы, конечно, не поехали. Попили чаю, поговорили о свадьбе. Мысль праздновать ее под водой Таньку увлекла, и я забеспокоилась. Оно бы и ничего, пусть бы ныряли на здоровье, но ведь избежать приглашения мне не удастся, и если для папы с мамой возможны поблажки, то для меня... Когда сестра умная, а у тебя самой мозгов самую малость, лучше так не шутить.

— А можно столы накрыть где-нибудь в парке, а приземлиться на парашюте, — озарило сестрицу. — А что? Выглядит. Как считаешь?

— Думаю, в парке приземляться не очень удобно, можно зацепиться за дерево. А вообще мысль. Гости тоже будут прыгать?

— Конечно.

— Тогда достаточно накрыть маленький столик, и затрат практически никаких. Небольшой оркестр, который сыграет Мендельсона и, если понадобится, Шопена.

— А еще лучше приземлиться на крышу, — озарило Таньку. — И там столы накрыть. Супер.

— Тогда Мендельсона не надо, один Шопен.

— Почему?

— Зачем понапрасну инструменты истязать?

Танька выдала еще несколько гениальных мыслей, чему я не препятствовала, увлечется, и мы, возможно, никуда сегодня не поедем. Но тут сестрица взглянула на часы, бойко вскочила и гаркнула:

— Погнали.

— Как считаешь, мне понадобятся какие-нибудь вещи? — подала я голос.

— Ага, — кивнула Танька. — Собери что-ни-

будь... и мне прихвати самое необходимое. Я о вещах не подумала, а едем все же на три дня.

Я, не особенно торопясь, собрала сумку, уже не веря, что удастся избежать поездки, и мы покинули квартиру.

День был восхитительным, солнце светило, завтра обещали двадцать пять градусов, и у меня, конечно, были планы... Я тихо вздохнула, боясь, что Танька услышит и уличит меня в отсутствии сестринских чувств.

Возле подъезда стояла «Альфа-Ромео», принадлежащая Витьке. На ней вот уже полгода ездила сестра. Я тоже мечтала о машине, сгодились бы и старенькие «Жигули», но пока и на них денег не хватало, а занимать я не люблю. Как известно, берешь чужие, а отдаешь всегда свои. Однако, когда Танька возила меня на своей машине, сердце мое переполнялось гордостью и восторгом.

— Красавица, — не удержавшись, прошептала я.

— Кто? — наострила уши Танька.

— Машина.

— А-а... мне «тэтэшка» больше нравится. Вот если отвалит нам наследство, куплю себе «аудиоху», Витьке «Хаммер», а тебе эту подарю.

— Зачем Витьке «Хаммер», он и на этой ездить боится.

— Может, на «Хаммере» бояться перестанет. Все-таки ты всех давишь, а не тебя. Как думаешь?

— Витьке лучше ездить на велике и по тротуару.

— Согласна, — кивнула Танька, которая трезво оценивала шансы возлюбленного.

Она плюхнулась на сиденье, завела мотор и сразу же закурила. Курить она себе позволяла даже в присутствии родителей, которые являлись сторонниками здорового образа жизни.

— Курить — здоровью вредить, — пискнула я, не особенно надеясь, что мои слова произведут впечатление. «Таня лучше знает, что делать со своим здоровьем», — ответила мама и на следующий день купила пепельницу. На этом моя борьба с вредными привычками сестры закончилась. Табачный дым я не выносила, но так как Таньке было на это наплевать, просто открыла окно.

— Поехали, — кивнула она, а я пристегнула ремни, в машине с сестрой, как в самолете, правилами лучше не пренебрегать.

Через пять минут я вжалась в кресло, через десять зажмурилась, но потом пообвыкла и стала смотреть на мир с оптимизмом.

— Слушай, — нарушила молчание Танька. — Надо бы венок купить.

Я от неожиданности поперхнулась, но через минуту смогла спросить:

— Зачем?

— Ну, вроде к покойнику едем.

— Ты ведь говорила, что будут и живые.

— Точно. Но дядька-то помер, и тут без венка никак.

— Его похоронили?

— Само собой.

— Тогда какой венок? Давай купим цветов.

— Спятила? У него что, день рождения?

— Я уважаю твой ум, но могилы посещают с цветами, а не с венком.

— Ты уверена? — нахмурилась сестра.

— Абсолютно.

— Тогда ладно. Но венок как-то солиднее, сразу видно, что мы скорбим и для покойника денег не жалеем.

— Если мы приедем в дом с венком в руках, то будем выглядеть по-дурацки, — упрямылась я

— Не пижонь. Надо выглядеть естественно, — не унималась Танька. Я хотела спросить, что она имела в виду, но быстро одумалась.

— Венок так венок, — вздохнула я.

Хотя сестрица и сказала, что едем мы в пригород, данное утверждение было не совсем верно. Мы миновали стелу с названием нашего славного города, далее начинались садовые участки, и я с тоской подумала: а что, если в наследство Витька получит один из этих теремов за окном? Не видать Витьке «Хаммера», а мне «Альфа-Ромео». Я вздохнула, но голос подать не решилась.

Тут Танька свернула, но ясности это не внесло, потому что в той стороне никакого пригорода тоже не было. Справа возник хлебозавод, потом еще какие-то сооружения, а сестрица произнесла:

— Надо было через мост ехать, получилось бы ближе.

— А куда едем? — не выдержала я.

— В Дубровку.

Назвать Дубровку пригородом могла только Танька, село находилось километрах в двадцати от города. Но место это облюбовали люди не бедные, и я вновь взглянула на машину с вождением. Правда, тут же себя одернула. Богатые люди жили возле озера в заповедной зоне (почему в заповедной, вопрос не ко мне, а к нашему губернатору). Сам поселок был довольно большим, в нем даже фабрика имелась. Соответственно жили там и люди небогатые, и дома тоже были разные. Наследством может оказаться деревянная избушка с палисадником и

козой на привязи. Травить дядю из-за такого счастья, на мой взгляд, неразумно, но о вкусах не спорят.

За окном мелькнуло кладбище, затем указатель «Дубровка». Только я с облегчением подумала: «Как хорошо, что Танька о венке забыла», как она резко затормозила, а взгляд мой уперся в кирпичную коробку с надписью «Ритуальные услуги».

— О, — удовлетворенно кивнула сестра. — На ловца и зверь.

Мы вышли из машины и направились к дубовой двери, гостеприимно распахнутой. Толстая тетка сидела за стойкой. По тому, как радостно она вскочила, увидев нас, стало ясно: народ здесь жил крепкий и хоронили, должно быть, редко.

— Здравствуйте, — запричитала она. — Чем интересуетесь?

— Да нам бы это... венок, — после непродолжительной душевной борьбы изрекла Танька. Я закатила глаза и отошла к окну. На соседней кирпичной коробке красовалась надпись: «Бар». Напротив весело подмигивала полуголая девица на фасаде, вокруг ее головы поблескивали буквы.

— Кафе «Версаль», — прочитала я и вздохнула.

— Венки у нас свежие, — суетилась тетка. — Вот, посмотрите...

В углу стоял необъятных размеров венок, искусственные цветы по полю из лапника.

— Иголки будут по всей машине, — прошипела я, в мечтах успев увидеть «Альфа-Ромео» своей. О том, как мы появимся на людях с этим страшилищем, даже думать не хотелось.

— Великоват, — задумчиво изрекла Танька.

— А вот, смотрите, — заскользила тетка вдоль стены, рекламируя свой товар. Я напонила себе,

что спасение утопающих дело рук их самих, и решительно шагнула вперед.

— А есть у вас что-нибудь натуральное?

— Вот елочки, посмотрите. На любой могилке смотрятся прекрасно.

— Может быть лучше цветы?

— И цветы есть.

Тетка метнулась в соседнее помещение, куда вела арка, и тут же возникла с розами из белой бумаги, сплетенными в венок.

— Живых цветов нет? — загрустила Танька, пытаясь сделать нелегкий выбор между елками и бумажным шедевром.

— Живых не держим. Вянут быстро. А этот до зимы пролежит, а может, и больше. И не украдут, если чем-нибудь к памятнику прикрутите. А в живых цветах какой толк? Раз — и нет их. Берите, не пожалее.

Тетка так проникновенно улыбалась, с мольбой протягивая руку с веночком, что Танькино сердце дрогнуло.

— Давайте, — вяло согласилась она, а я порадовалась: эту гадость можно незаметно выкинуть, все лучше, чем страшилище в углу.

Мы расплатились. Слегка раздосадованная Танька не придумала ничего лучшего, как водрузить венок себе на голову, и спросила:

— Ну, как я тебе?

— «Весна» Боттичелли.

— Не выражайся. Уж если ты младшая, будь добра относиться к сестре с уважением.

— Боттичелли — это итальянский художник, — начала оправдываться я.

— Чем у тебя только голова забита? — посетовала Танька, сняла венок, повертела его в руках и